Дата получения: 24.09.2025
Дата принятия: 18.11.2025
(стр. 1-26)

К вопросу о трансформации молоканских общин и их обращении в баптизм на рубеже XIX—XX веков (Тамбовская губерния и Закавказье)

Елена Шуваева[*]
Виктория Аракелова[**]

Аннотация

Исследование социально-религиозной трансформации молоканских общин на рубеже XIX–XX веков позволяет глубже понять причины внутреннего кризиса молоканства, а также степень влияния на него различных протестантских течений, в первую очередь — баптизма. Этот процесс, охвативший значительные территории Российской империи — от Тамбовской губернии до Закавказья — отражает более широкие религиозные и социокультурные изменения в обществе на фоне модернизации, миграций, роста грамотности и изменения роли личности в религиозной жизни.

Наиболее значимые случаи перехода молокан в баптизм зафиксированы в Моршанском уезде Тамбовской губернии и в Закавказье — историческом регионе, куда молокане были переселены начиная с конца XVIII века. На этих двух географических примерах можно проследить параллельные процессы — внутренний идеологический кризис молоканской традиции и активную миссионерскую деятельность баптистов, которые предложили альтернативную, более современную форму религиозной жизни.

[*] Институт востоковедения, Российско-Армянский университет, Ереван (lena478@mail.ru | ORCID: 0000-0002-7759-7306)

[**] Институт востоковедения, Российско-Армянский университет / Факультет теологии, Ереванский государственный университет, Ереван (victoria.arakelova@rau.am | ORCID: 0000-0001-9884-1331)

В статье анализируются следующие аспекты:

— исторические и социальные предпосылки религиозного перехода;

— сравнительный анализ догматических положений молоканства и баптизма;

— специфика миссионерской деятельности баптистских общин;

— эмпирические наблюдения, основанные на материалах Тамбовской губернии и Закавказья;

— влияние миграционных процессов, образовательных практик и транснациональных связей.

Ключевые слова: Молокане, баптизм, религиозная трансформация, социально-религиозный кризис, протестантизм, миссионерская деятельность, Тамбовская губерния, Моршанский уезд, Закавказье, миграция

Исторический контекст

Молоканство[1] как одно из направлений духовного христианства зарождается в середине XVIII века на территории Тамбовской губернии. Первое официальное упоминание о молоканах содержится в донесении Тамбовской духовной консистории Святейшему Синоду от 1765 года. Уже тогда новый религиозный феномен отличался критическим отношением к православной обрядности и стремлением к «духовному» служению Богу — без храмов, священников, икон, обрядов и таинств.

В Синодальных указах 1768 и 1769 годов сообщается о допросах представителей новой религиозной общины, которые утверждали, что их вера унаследована от предков, прошедших через гонения и ссылки. Таким образом, уже в начальный период

[1] Подробно о молоканстве см., в частности: Mohoff 2004; Кальнев 1913; также Малахова 1970; Conovaloff 2021; о молоканах Армении: Григорян/Мангасарян 2018; Шуваева 2023.

молоканство приобретает характер оппозиционного религиозного движения, основанного на индивидуальном чтении Писания, простоте богослужения и социальной сплочённости.

В период с конца XVIII по XIX века молокане подвергались систематическим административным преследованиям со стороны государства. Несмотря на давление властей, движение продолжало активно распространяться, прежде всего в сельских районах Тамбовской, Саратовской, Воронежской и Орловской губерний. Существенная часть молокан, наряду с духоборами, была переселена в Закавказье в рамках имперской политики расселения и «разбавления» иноверческого населения на приграничных и стратегически значимых территориях, включая малозаселённый район озера Севан и другие удалённые, но стратегически важные поселенческие зоны (Маргаритов 1910).

На протяжении XIX века молоканство демонстрирует устойчивую духовную и социальную структуру. Внутри общин формируется система наставничества (старчества), поддерживаются строгие нормы нравственности, трезвости, взаимопомощи. Однако уже к концу века эта система начинает давать трещины.

К концу XIX — началу XX века молоканская среда оказывается в состоянии духовного и организационного кризиса. Среди основных причин следует выделить следующие.

Раскол внутри общин: появляются различные направления и течения — «столпы», «прыгуны», «трезвенники», «бессмертники», «субботники», «воскресники» и др. Эти различия касаются не только богословских вопросов, но и практики молитвы, роли женщины, отношения к миру и властям.

Ослабление авторитета старцев-пресвитеров: внутренняя борьба за лидерство, обвинения в формализме, а порой — в двойной морали, вызывают отчуждение у молодёжи и активной

части общины. Влияние внешней среды: городская культура, рост грамотности, появление новых идеологий и религиозных движений (в частности, баптизма) формируют альтернативные модели религиозной жизни.

Социально-экономические трудности: ограничения в правах, притеснения, невозможность легального существования своих религиозных институтов, давление со стороны Православной церкви — всё это толкает часть молокан к поиску новых религиозных форм и связей. На этом фоне появляются молокане, склонные к «реформированию» веры: кто-то тяготеет к мистическим формам духовности («прыгуны»), кто-то — к рационализму и протестантскому богословию. Особенно активно проявляется тенденция к переходу в баптизм. Основатель и почётный президент Всероссийского Союза евангельских христиан, миссионер И. С. Проханов, будучи противником православия, в своей автобиографической книге «В котле России. 1869–1933» отмечает, что «группы русских инакомыслящих представляли собой более страшное явление, чем Православная церковь. Выходя из состояния православия, эти люди погружались в пропасть ошибок, которая приводила их в ещё более худшее состояние» (Проханов 1992: 24).

А. И. Платонов в своем исследовании «К вопросу о предстоящей церковной реформе. Молоканство, баптизм и наша великая церковная нужда» отмечает: «Молокане-консерваторы и молокане-прогрессисты ко времени первого молоканского съезда (Первый Всероссийский съезд духовных христиан (молокан) состоялся 22 июля 1905 года в селе Воронцовка Тифлисской губернии. — Прим. авт.) сформировались в две вполне определённые партии, открыто, впрочем, не отделявшиеся в особые молитвенные собрания» (Платонов 1905: 3).

Платонов подчёркивает, что уже в конце XIX века в молоканской среде проявилось глубокое внутреннее расслоение, которое он характеризует как «великий раскол». Молодое поколение молокан перестало удовлетворяться устоявшимися старозаветными традициями и всё чаще проявляло стремление к иным формам религиозной жизни и к новой духовной идентичности. Не последнюю роль в этом сыграло расширение доступа к школьному образованию: хотя его уровень среди молокан оставался сравнительно невысоким, оно позволило представителям общин познакомиться с другими христианскими конфессиями и более критически осмысливать собственное вероучение.

Особое внимание Платонов уделяет ситуации на Северном Кавказе и в Закавказье — прежде всего в Тифлисе и Баку, где богословские споры внутри молоканских общин отличались особой остротой. Он указывает, что направление новомолоканской партии под влиянием В. Павлова и братьев Ворониных стало постепенно принимать отчётливо выраженную баптистскую окраску (это факт подробно рассмотрен ниже, в разделе «Закавказье как очаг перехода молокан в баптизм». — Прим. авт.), именно здесь формируется один из ключевых центров перехода молокан в протестантские деноминации. Степень распространения баптистских идей в новомолоканской среде оказалась столь значительной и очевидной, что, по словам Платонова, старцам общин пришлось всерьёз задуматься над «роковым вопросом: быть или не быть молоканской общине» (там же).

Особое значение для понимания интеллектуального и духовного состояния молоканских общин на рубеже XIX–XX веков имеет публикация письма новомолоканина Н. Ф. Кудинова в газете «Каспий», появившаяся накануне Первого Всероссийского

съезда молокан (полный текст письма Кудинова, см. Платонов 1905: 4-5). Эта публикация оказала существенное влияние на общественное мнение внутри общин и, фактически, стала сигналом, обозначившим степень нарастающей тревоги среди старцев и духовных лидеров. Письма было воспринято как свидетельство углубляющегося кризиса в молоканской среде, который требовал незамедлительного осмысления и выработки мер по его преодолению.

Кудинов, ставший знаковой для своего времени фигурой среди молокан как Закавказья, так и центральных регионов России, в своем обращении формулирует ряд принципиальных проблем, стоявших перед общиной. Он подчёркивает необходимость «отыскания средств для всеобщего образования молокан посредством открытия во всех селениях, где живут молокане, школ с обязательным преподаванием Закона Божия по правилам молоканского вероучения», дабы «потомству нашему не грозило распадение и полное религиозно-нравственное разложение». Данная позиция ясно свидетельствует о том, что вопросы образования и религиозного воспитания воспринимались новомолоканами как ключевые механизмы сохранения общинной целостности и духовной преемственности.

Не менее важным является пункт письма, посвящённый реформированию пастырской деятельности. Кудинов с явной критикой отмечает, что «в последнее время должности пресвитеров и наставников занимают лица, не соответствующие своему назначению, а преимущественно бездарные богачи, которые отвоевывают для себя почётные места наставников путём угощений и подкупов». В его представлении подобная деградация института духовного руководства ставила под угрозу саму основу молоканской религиозной организации. В качестве решения он предлагает открыть высшее духовное учебное заведение для

подготовки наставников и пресвитеров, а также ввести во всех молоканских общинах прозрачную отчётность по благотворительным средствам и организовать общественные кассы взаимопомощи, тем самым сформировать более структурированную, рациональную и модернизированную модель религиозной жизни (там же).

Обращение Кудинова демонстрирует, что кризис, переживаемый молоканскими общинами, был не только догматическим или организационным, но и мировоззренческим. Новомолокане стремились соединить религиозную традицию с современными формами общественной организации, образования и пастырского управления, тогда как консервативная часть общины видела в этих нововведениях угрозу утрате духовной самобытности. Таким образом, письмо выступает важным источником для понимания динамики перехода молокан к иным протестантским конфессиям: оно фиксирует ситуацию, в которой внутренняя потребность в обновлении совпала с внешним влиянием баптизма, создавая условия для религиозной трансформации, охватившей значительные регионы Российской империи.

На Первом Всероссийском съезде молокан, состоявшемся 22 июля 1905 года, выступили как представители «старой», так и «новой» партий, что отражает глубину внутреннего расслоения и разнообразие идеологических ориентаций внутри молоканского движения.

Съезд молокан стал знаковым событием в истории молоканства и имеет важное значение для изучения религиозной и социальной динамики в этом движении. Съезд, продолжавшийся три дня, был назван молоканами праздником, поскольку он был приурочен к столетнему юбилею разрешения молоканам исповедовать свою веру по Высочайшему указу

императора Александра I, данному в 1805 году. Этот указ стал важной вехой в истории молокан, положив начало их официальному существованию в рамках Российской империи, и съезд стал своего рода подтверждением и продолжением этого процесса. Важно отметить, что молоканские общины рассматривали этот съезд как своего рода кульминацию своего существования и духовного единства.

Одним из ключевых аспектов, обсуждавшихся на съезде, было подведение итогов столетнего существования молокан как отдельной религиозной группы. В ходе встреч были рассмотрены ключевые моменты истории молоканства, включая вопросы догматики, организации общин и миссионерской деятельности. Каждый день съезда начинался с важнейших молитв, включая молитву за упокоение души Императора, что демонстрировало важность церемониальной стороны события и приверженность молокан традиционному духовному укладу.

Съезд также стал важной вехой в объединении молоканских общин, которые, несмотря на своё первоначальное разнообразие и территориальную разобщённость, на этом событии смогли выработать единый подход к религиозной практике и внутреннему управлению. В определённой степени этот съезд сыграл роль в сопротивлении влиянию других религиозных течений, в частности баптизма. Молоканские старцы видели в этих новых течениях угрозу традиционному молоканскому учению, и съезд стал своего рода форпостом защиты собственной религиозной идентичности.

Если бы этот съезд не состоялся, молоканство, возможно, не смогло бы достичь того уровня сохранения своей религиозной и культурной идентичности, который мы наблюдаем сегодня. В отличие от других христианских сект, таких как духоборы, которые не сумели сохранить свою общинную структуру и

традиции, молоканские общины смогли преодолеть вызовы времени и сохранить свою религию и практики до наших дней. Съезд сыграл ключевую роль в укреплении общинной солидарности и обеспечении преемственности молоканской традиции, несмотря на давление как со стороны государственной власти, так и со стороны других религиозных движений.

По итогам съезда был издан официальный отчёт, который был широко распространён среди молоканских общин. Он содержал подробное описание каждого дня съезда, включая приветственные слова, письменные обращения и список присутствующих делегатов, представляющих различные молоканские общины, а также финансовый отчёт о расходах на проведение съезда, что свидетельствует о высоком уровне организации мероприятия и стремлении обеспечить прозрачность в использовании общинных средств (Отчёт о Всероссийском Съезде духовных христиан (молокан), 1907).

Тамбовская губерния: центр религиозной мобильности

На рубеже XIX–XX веков Тамбовская губерния становится важным регионом религиозной трансформации. Здесь происходят не только процессы внутреннего переформатирования молоканства, но и активные переходы его представителей в другие протестантские конфессии, прежде всего — в баптизм. Одним из ключевых уездов губернии был Моршанский район, в прошлом — крупный торгово-ремесленный и административный центр. Город Моршанск и его окрестности на протяжении XIX века были местом сосредоточения различных религиозных групп: старообрядцев, молокан, а позднее — и баптистов.

В ходе полевых работ в селе Карели Моршанского района — одном из локальных очагов молоканского присутствия в прошлом, — выяснилось, что в селе, помимо устной исторической

памяти о молоканах, сохранились некоторые объекты, свидетельствующие об их бывшей активности. Местные жители указывали на старое кладбище, расположенное на территории, которую до сих пор называют молоканским районом. Несмотря на то, что оно официально считается баптистским, по характеру ряда надгробий (отсутствие фотографий, скромные надписи или отсутствие таковых) можно предположить, что часть захоронений принадлежала именно молоканам, позднее перешедшим в баптизм. Улица, ведущая в так называемый молоканский район, ранее она именовалась Молоканской (в настоящее время — улица им. Мичурина).

В селе также находится православный храм Воздвижения Креста Господня, построенный в 1906–1913 годах по проекту архитектора В. И. Фреймана на месте более раннего храма, возведённого в 1623 году. Строительство велось на средства прихожан, включая пожертвования состоятельных местных жителей, среди которых упоминается фамилия Чичёвы. Эта фамилия широко распространена среди молокан Армении, что позволяет проследить миграционные и культурные связи между Тамбовщиной и Закавказьем (Шуваева 2023).

В самом Моршанске, где ранее располагалась одна из крупнейших молоканских общин региона, в настоящее время активно действует баптистский храм. В непосредственной близости от него находятся Успенская старообрядческая церковь и Православный Троицкий собор.

Как сообщили местные жители, молокане полностью исчезли из городского пространства: те, кто остался, в большинстве своём перешли в баптизм.[1] Этот локальный пример отражает общероссийскую тенденцию начала XX века — постепенное

[1] О баптизме в Тамбовском крае, см. Миронова 2011.

растворение молоканской идентичности на фоне духовного и институционального усиления баптизма.

Баптизм в Моршанске: идеологическое влияние и миссионерская активность

Город Моршанск на рубеже XIX–XX веков представлял собой крупный торговый и ремесленный центр, обладавший высокой степенью социальной и религиозной динамики. Здесь концентрировались различные конфессиональные группы: православные, старообрядцы, молокане, представители новых религиозных движений. Особенно заметной была молоканская община, существовавшая с конца XVIII века.

Городская среда отличалась большей восприимчивостью к новым религиозным течениям по сравнению с сельскими районами. Баптизм в Тамбовской губернии начал распространяться примерно в 1880-е годы. Первые пропагандисты этого движения, братья Мазаевы, прибыли в регион под видом торговцев и занялись распространением баптистского учения. В результате баптизм прочно утвердился в Шатском, Лебедянском и Моршанском уездах. Именно здесь, в конце XIX века, баптистские проповедники развернули активную миссионерскую деятельность, находя благоприятную среду среди молокан, разочарованных конфликтами и духовным кризисом в собственных общинах (Рожков 2019).

Г.А. Рожков выделяет несколько направлений молоканского движения, представленных в Моршанском уезде, что соответствует общей конфессиональной картине Тамбовской губернии. Здесь были распространены: старо-молоканство (уклеинство), являвшееся наиболее многочисленной группой; молокане-толстовцы; а также ново-молоканство, или донские молокане, численность которых была сравнительно небольшой.

Последние проживали преимущественно в селах Рыбное и Давыдово Моршанского уезда и предпочитали именовать себя «христианами евангелического вероисповедания, пресвитерианами». Вероучение донских молокан обнаруживает значительную близость к баптизму. При этом они признавали ряд христианских обрядов, включая покаяние, крещение, институт брака и преломление хлеба. Таинство крещения совершалось над младенцами посредством трёхкратного погружения в воду. Существенная часть их обрядовой практики была заимствована из православной традиции. Именно представители донского направления наиболее часто переходили в баптизм (там же).

Баптисты обладали рядом преимуществ в сравнении с традиционными молоканскими структурами: чёткая организационная структура, акцент на личную веру, сознательное водное крещение, регулярная проповедь и обучение, активная роль женщин и молодёжи.

С начала XX века в Моршанске появляются домашние собрания, где читалась Библия, пелись гимны, распространялась религиозная литература. Эти собрания зачастую организовывались бывшими молоканами, уже принявшими водное крещение, а также приезжими баптистскими миссионерами. Особенное влияние баптистская проповедь оказывала на молодёжь и женщин, которые в рамках баптистской общины получали возможность активного участия в богослужениях, образовательных и миссионерских проектах — в отличие от патриархальной молоканской среды.

Идеологическое сближение баптистов и молокан

Несмотря на различие в обрядовой практике, между молоканами и баптистами существовало значительное сходство в вероучении[1]:

Пункт	*Молокане*	*Баптисты*
Священство	Отрицание посредничества	То же самое
Иконопочитание	Отрицание	То же самое, но разрешалось использование изображений святых
Христианские праздники	Отмечают ключевые христианские праздники, но с отличиями: они празднуют Пасху (Воскресение Христово) и Рождество, а также Крещение, Благовещение, Вознесение, Троицу, Преображение.	Большинства христианских праздников отмечают
Источник веры	Только Писание	То же
Крещение	Духовное, без воды, в младенчестве	Водное, по вере, в зрелом возрасте
Структура церкви	Собрания. Без иерархии	Автономные поместные церкви

Для молокан, уставших от духовной неопределённости и внутренних споров, баптистская практика воспринималась как более цельная, логически оформленная и дисциплинированная.

[1] См. Учение духовных христиан 1903; Павлов 2004.

Переход молокан в баптизм не был безболезненным. Он вызывал серьёзные конфликты внутри молоканских общин. Возникали расколы между «старцами» и новыми приверженцами баптистского учения. Некоторые семьи разделялись: часть принимала водное крещение, другие сохраняли верность прежним традициям. Известны случаи, исключения из собраний, судебные преследования, доносы в полицию, угроза потери имущества и изоляции (*История Евангельских христиан баптистов* 2012).

Баптистская община Моршанска имела тесные контакты с эмигрантами в США и Канаде (Проханов 1992). Через письма, гуманитарную помощь, литературу и приглашения на переселение молокане получали представление о более свободной религиозной жизни за пределами Российской империи. Такая перспектива особенно вдохновляла тех, кто ощущал давление внутри страны.

Закавказье как очаг перехода молокан в баптизм

С конца XVIII века молокане, наряду с другими представителями духовного христианства, первоначально были сосланы, а затем самостоятельно переселялись в Закавказье по распоряжению российских властей (Маргаритов 1910).

Эта политика имела сразу несколько целей: изоляция религиозных инакомыслящих от центральных губерний, укрепление приграничных территорий трудолюбивыми подданными, а также снижение социальной напряженности в центре империи.

Молокане осваивали новые земли и формировали устойчивые сельские общины. Они поселились в разных частях региона, включая Елизаветпольскую, Тифлисскую, Бакинскую, Эриванскую, Александропольскую и Карсскую губернии.

Наиболее известные центры молоканского расселения включали сёла Воронцовка, Шамхор, Ленкорань, Михайловка, Никитино, Папанино и другие, а также общины в окрестностях Баку, Тифлиса, Александрополя (ныне Гюмри) и Эривани (ныне Ереван).

Несмотря на стабильность уклада, к концу XIX века молоканские общины оказались под влиянием внешних и внутренних факторов, приведших к постепенной трансформации их религиозной идентичности. Одним из таких факторов стало проникновение протестантской проповеди, особенно баптистской.

Во второй половине XIX века Закавказье стало ареной миссионерской деятельности немецких, английских и русских проповедников.

Первая волна интереса к баптизму среди молокан на Кавказе, получившая название Евангельского пробуждения, была тесно связана с публикацией перевода Нового Завета на русский язык в 1822 году. Распространение этого текста среди молокан Кавказа осуществлялось книгоношами, такими как Мельвил, Деляков и Форхгаммер. Важным этапом в распространении протестантской литературы стал синодальный перевод Нового Завета, который начал распространяться с 1862 года. О. Б. Форхгаммер, один из активных участников миссионерской деятельности, утверждал, что Новый Завет стал «лучшим миссионером среди молокан» (*История Евангельских христиан-баптистов России*, 2012).

Евангельское пробуждение на Украине и в Закавказье началось практически одновременно и независимо друг от друга, что подтверждается исследованиями истории евангельских христиан-баптистов России (Матушанская 2020). Одним из источников

российского баптизма был штундизм[1], который оказал значительное влияние на развитие движения. Первая волна штундизма возникла в 20-е годы XIX века среди немецких колонистов на Украине, а во второй половине века на юге Украины активно развивалось новопиетическое движение, возглавляемое Э. Вюрстом. Эти процессы, как на Украине, так и в Закавказье, сыграли ключевую роль в распространении протестантских идей, включая баптизм.

В то же время, в начале XIX века среди молокан было распространено ожидание скорого пришествия Христа, что отражало влияние учений пиетиста Юнга Штиллинга, предсказавшего это событие на 1836 год. Однако среди молокан существовали и свои собственные пророки, что свидетельствует о широком распространении мистических ожиданий в религиозной культуре общины. Разочарование в несбывшемся предсказании привело к появлению нескольких новых течений внутри молоканства: одни вернулись к православию, другие начали развивать различные мистические практики (Буткевич 2018).

Одним из ответвлений молоканства стали так называемые «водные» молокане, появившиеся в Закавказье в середине XIX века. Эти молокане, при изучении Писания, пришли к убеждению, что водное крещение следует принимать во взрослом, сознательном возрасте, что было основным отличием от традиционного молоканского учения. Водные молокане появились на рубеже 40-50-х годов XIX века в Ленкоранском и Шемахинском уездах Бакинской губернии, и их влияние начало распространяться и в Нижнее Поволжье, в частности, в Ахтубинский край (Матушанская 2020).

[1] О штундизме, или штундобаптизме, см., в частности, Дородницын 1903.

Учение водных молокан мало отличалось от молоканского в целом: согласно их сотериологии, спасение было достигнуто через добрые дела. Однако ключевым элементом их вероучения было именно взрослое крещение, что отразило влияние протестантской доктрины и стало одной из предпосылок для перехода части молокан в баптизм в последующие годы.

После издания Манифеста о веротерпимости в 1905 году легализация деятельности протестантских течений привела к стремительному росту числа баптистских групп в регионе. Молокане были особенно восприимчивы к баптистской проповеди по ряду причин. Во-первых, обе традиции разделяли протест против православной обрядности, иерархии и догматов, ставя во главу угла личную веру, чтение Библии и собрания верующих. Во-вторых, к тому времени молоканство уже переживало внутренние кризисы, проявляющиеся в возникновении различных течений, таких как «прыгуны», «столпы», «бессмертники» и другие. Этот процесс свидетельствует о переходе от рационалистических направлений к более мистическим учениям. Расколы дезорганизовали общины, способствуя их духовной и социальной дезориентации. Дополнительным фактором стал социальный и культурный прессинг со стороны окружающего населения (армян, мусульман, грузин), особенно в сельских районах. В условиях отсутствия поддержки со стороны государства и Православной церкви молокане стремились найти новые формы духовной жизни. Баптизм, с его акцентом на личное обращение к Богу, общинную солидарность и строгость нравов, воспринимался как жизнеспособная альтернатива. В баптистской историографической традиции молоканство интерпретируется как своего рода предварительный этап, способствовавший

формированию баптистских общин и церкви в Закавказье и Таврической губернии (Фролов 2024).

Особую роль в распространении баптизма среди молокан сыграл случай Никиты Исаевича Воронина (1840–1905), уроженца Балашова Саратовской губернии, впоследствии пресвитера молоканской общины в Тифлисе. Он подверг сомнению традиционное молоканское учение и после личного духовного поиска пришёл к убеждению в необходимости водного крещения. В 1867 году Воронин был крещён по вере в реке Кура немецким баптистом Мартином Кальвейтом, жившем тогда в Тифлисе. Это событие считается началом распространения баптизма среди молокан Закавказья и Северного Кавказа. Вскоре к Павлову присоединились другие молокане, среди которых были С. Родионов, Г. Горбачёв, а также будущий лидер российского баптизма Василий Гурьевич Павлов (1854–1924). В своих «Воспоминаниях ссыльного» Павлов сообщает, что «в 1870 году я присоединился к баптистской общине в Тифлисе, которая только что была основана и насчитывала всего несколько человек. Мои родители выступали против этого, и мне пришлось подвергаться их гонениям» (Бонч-Бруевич 1908: 1). Павлов принял водное крещение в 1871 году, а через пять лет был рукоположен для служения на миссионерском поприще в России. В 1875 году община приняла решение отправить его для обучения в Гамбургскую богословскую семинарию. В этом учебном заведении молодой представитель нового баптистского движения не только изучал теологию, но и исследовал практическую организацию баптистских общин, особенно интересуясь их устройством в зарубежных странах. Павлов обладал выдающимися языковыми способностями: для углубленного изучения Священного Писания он овладел древними языками, а также изучил несколько европейских языков и языков народов

Кавказа, что существенно расширило его миссионерскую деятельность.

Снова обратимся к «Воспоминаниям» Павлова (Бонч-Бруевич 1908: 4-5), в которых он подробно описывает свою миссионерскую деятельность. Осенью 1876 года, по просьбе нескольких друзей, он отправился с одним из духовных братьев в поездку по Закавказью. Первым населённым пунктом, который они посетили, стала Воронцовка, родное село Павлова. Там они пробыли несколько дней, посетили молоканское собрание, где старейшины общины настроены были враждебно, однако Павлов смог провести несколько встреч в частных домах. Затем их путь продолжился через молоканские сёла, и, наконец, они добрались до предгорий Арарата, где в селе Давалу встретились с немецким братом, работающим на оросительном канале на реке Аракс. Миссионерская деятельность продолжалась в Эриванской губернии, в Баязете, а затем через озеро Севан они отправились в Елизаветпольскую губернию, где в селе Михайловка Павлов даже совершил крещение супружеской пары. После этого они направились в Бакинскую губернию, посетив такие населённые пункты, как Ленкорань и другие. Павлов отмечает, что «здесь мы имели несколько благословенных собраний, несколько душ обратились, и была основана церковь» (там же). Однако, вскоре их вызвали в полицию, изъяли паспорта и потребовали покинуть регион. Тем не менее, семя баптизма уже начало распространяться в этом регионе. Создавались небольшие домашние собрания, распространялась религиозная литература на русском и армянском языках, проводились занятия с молодёжью и обучение грамоте. Немаловажно, что многие проповедники происходили из числа бывших молокан, что облегчало коммуникацию и снижало уровень сопротивления. Павлов продолжил свою миссионерскую деятельность в Тифлисе,

совершая поездки в Владикавказ, Таврическую, Самарскую, Киевскую, Могилевскую и Херсонскую губернии, а также в другие регионы. В 1880 году он был утвержден правительством в должности старшины Тифлисской общины баптистов и до 1886 года пользовался свободой. В 1883 году Павлов снова путешествовал по Закавказью, используя железную дорогу (там же).

Баптистские группы также формировались в Баку, Тифлисе, Эривани, Дилижане и других городах Закавказья, что вызывало критику со стороны как молоканского духовенства, так и официальной православной церкви. Активную деятельность в этот период вел Союз русских баптистов. Его лидеры подвергались преследованиям и ссылались в так называемые «Гирюсы на вымирание» (ныне — город Горис в Армении). Дети баптистов нередко изымались из семей и передавались на воспитание в духе православной традиции, что рассматривалось властями как средство религиозной ассимиляции и контроля над инакомыслящими (*История Евангельских христиан-баптистов России* 2012: 51).

Фридрих Вильгельм Бедекер (1823–1906), выдающийся лидер баптистского движения, осуществлял проповедь Евангелия на территории Российской империи и занимался так называемой тюремной миссией, встречаясь с заключёнными в тюрьмах и местах ссылки. В рамках своей деятельности он дважды совершил путешествия через всю Россию — от Санкт-Петербурга до Сахалина — с целью распространения Евангелия и распространения Нового Завета. В 1895 году Бедекер посетил ссыльных в Закавказье, в частности, в Баку, Тифлисе, Елизаветполе, в селе Гирюсы, где продолжал проповедовать слово

Божье (История Евангельских христиан-баптистов России, 2012).[1] Характеризуя свои встречи с верующими в ссылке, он отмечал: «Радость братьев видеть нас и наша — встретиться с ними была великим праздником, коротким, но прекрасным. Быть в подозрении — очень давит на дух человека, и я научился сострадать братьям в заключении» (*История Евангельских христиан-баптистов России* 2012: 52-53).

Тем не менее, в отношениях между баптистами и молоканами фиксировались определённые разногласия. Исследователь Д. И. Фролов указывает, что среди баптистов — выходцев из молоканской среды — длительное время сохранялись элементы молоканской обрядности. Баптистский миссионер и бывший молоканин В. В. Иванов отмечал, что немецкие баптисты выражали недовольство тем, что в тифлисской общине продолжали использовать молоканские псалмы, молитвы и традиционные земные поклоны. Немецкая часть общины стремилась организовать богослужебную практику в соответствии со своими собственными конфессиональными представлениями.

В конце XIX — начале XX века баптисты Закавказья начали активно налаживать международные связи. Русские и армянские баптисты получали гуманитарную помощь из США и Германии, пересылки евангельской литературы, а также приглашения эмигрировать. Особенно значительной была эмиграция в Канаду и США, где бывшие молокане-баптисты организовывали русскоязычные евангельские общины, продолжая называть себя «духовными христианами» (Проханов 1992).

Эти связи усиливали протестантскую идентичность внутри бывших молоканских общин и давали новые ресурсы для

[1] О его деятельности на территории России, см. подробно Latimer 1907.

социальной и духовной жизни, особенно в условиях административного давления и нестабильности начала XX века.

Заключение

Переход части молокан в баптизм на рубеже XIX–XX веков был следствием комплекса социально-религиозных причин. Внутренний кризис молоканских общин, ослабление духовных авторитетов, а также социальная и территориальная изоляция сделали эту среду восприимчивой к влиянию протестантских учений. Баптизм, в свою очередь, предложил молоканам более чёткую организацию, акцент на личную веру, водное крещение по убеждению, а также активную миссионерскую и просветительскую деятельность.

В городах, таких как Моршанск и Тифлис, переход в баптизм стал особенно заметным. Здесь наблюдалась высокая концентрация религиозной мобильности, а также более выраженная дифференциация внутри молоканских сообществ. Молодёжь, женщины и прогрессивно настроенные верующие чаще всего становились сторонниками баптистского учения.

Особую роль сыграли миссионеры, происходившие из числа самих молокан, а также международные связи, позволившие наладить транснациональное религиозное взаимодействие. Баптизм предоставлял молоканам новые возможности — как духовные, так и социальные — в условиях нарастающего давления со стороны государства и православной церкви.

Таким образом, массовый переход молокан в баптизм в Тамбовской губернии и Закавказье представляет собой закономерный результат глубоких внутренних изменений в религиозном сознании, обусловленных как внутренними проблемами молоканской среды, так и динамикой религиозной жизни в Российской империи того времени.

Библиография

Бонч-Бруевич, В. Д. (ред.) (1908), *Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола*, Санкт-Петербург.

Буткевич, Т.И. (2018), *Русские секты и их толки*, Москва.

Григорян, М./Мангасарян, Р. (2018), *Молокане*, Ереван.

Дородницын Алексий (1903), *Южнорусский необаптизм, известный под имением штунды*, Ставрополь-Кавказский; → https://azbyka.ru/otechnik/Aleksij_Dorodnicyn/yuzhno-russkij neobaptizm-izvestnyj-pod-imenem-shtundy/#0_8 (дата обращения 15.08.2025).

История Евангельских христиан-баптистов России (2012), (сост. М.В. Иванов, А. В. Синичкин), Москва.

Кальнев, М. А. (1903), *Служебник и требник прыгунов*, Рязань.

Малахова, И. А. (1970), *Духовные христиане*, Москва.

Маргаритов, С. (1910), *История русских мистических и рационалистических сект,* Симферополь.

Матушанская Ю. Г. (2020), «Вклад молоканских идей и дискурса в формирование российского протестантизма в XIX в.», *Манускрипт*, Том 13, выпуск 6, сс. 141-145; https://cyberleninka.ru/article/n/vklad-molokanskih-idey-i-diskursa-v-formirovanie-rossiyskogo-protestantizma-v-xix-v (дата обращения: 10.11.2025).

Миронова, Е. И. (2011), «Баптизм в российских регионах. Возникновение и развитие ценркви евангельских христиан-баптистов в Тамбовском крае», *Вестник Тамбовского государственного книверситета*, 7 (99), сс. 145-152.

Отчёт о Всероссийском Съезде духовных христиан (*молокан*) (1907), Тифлис.

Павлов, В. (2004), *Баптисты: церковь и государство*, Москва.

Платонов, А. И. (1905), *К вопросу о предстоящей церковной реформе. Молоканство, баптизм и наша великая церковная нужда*, Санкт-Петербург.

Проханов, И. С. (1992), *В котле России 1869–1933. Автобиография*, Германия.

Рожков, Г. А., Капранова Д. А. «Ново знамя нам явилось...»: сектанство Моршанского уезда Тамбовской губернии, Научный рецензируемый электронный журнал «Наука и образование»: https://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/862 (дата обращения: 15.09.2025).

Учение духовных христиан (1903), Женева.

Фролов, Д. И. (2024), *Религиозное движение духовных христиан молокан в Российской империи в 1905-1917 годах:* Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, МГУ им. М.В. Ломоносова. https://www.prlib.ru/item/2029946 (дата обращения: 15.09.2025).

Шуваева, Е. А. (2023), «Армянские молокане: современный этнографический портрет», *Cross-Cultural Studies: Education and Science*, сс. 94–100; https://cyberleninka.ru/article/n/armyanskie-molokane-sovremennyy-etnograficheskiy-portret (дата обращения: 15.09.2025).

Conovaloff A. (2021), *Taxonomy of 3 Spiritual Christian groups from Russia: Molokane, Pryguny and Dukh-i-zhizniki –books, fellowship, holidays, prophets and songs*, https://www.molokane.org/taxonomy/index.htm (accessed on 20.02.2024).

Latimer, R. S. (1907), *Dr. Baedeker and his apostolic work in Russia*, London.

Mohoff, G. (2024), *The True Molocans*, Montebello (CA).

On the Problem of Transformation of Molokan Communities and their Conversion to Baptism at the Turn of the 19th- 20th Centuries (Tambov Governorate and Transcaucasia)

Elena Shuvaeva
Russian-Armenian University, Yerevan
Victoria Arakelova
Russian-Armenian University / Yerevan State University, Yerevan

Abstract

The study of the socio-religious transformation of Molokan communities at the turn of the 19th-20th centuries makes it possible to better understand the causes of the internal crisis within Molokanism, as well as the extent to which various Protestant movements — primarily Baptism — affected it. This process, which encompassed vast territories of the Russian Empire, from the Tambov Governorate to Transcaucasia, reflects broader religious and sociocultural shifts in society amid modernization, migration, increasing literacy, and the changing role of the individual in religious life.

The most significant documented cases of Molokans converting to Baptism occurred in the Morshansk Uyezd of the Tambov Governorate and in Transcaucasia —a historical region to which Molokans had been resettled beginning in the late eighteenth century. These two geographic settings make it possible to trace parallel developments: the internal ideological crisis of the Molokan tradition and the active missionary work of Baptist communities, which offered an alternative and more modern form of religious life.

The article examines the following aspects:

- the historical and social preconditions of the religious transition;
- a comparative analysis of the doctrinal principles of Molokanism and Baptism;

- the specific features of Baptist missionary activity;
- empirical observations based on materials from the Tambov Governorate and Transcaucasia;
- the impact of migration processes, educational practices, and transnational connections.

Keywords: Molokans, Baptism, Religious Transformation, Socio-religious Crisis, Protestantism, Missionary Activity, Tambov Governorate, Morshansk Uyezd, Transcaucasia, Migration